

УДК 1:34

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФИИ

Панищев А.Л.

*Российский государственный социальный университет
(Курский институт социального образования), Курск*

Подробная информация об авторах размещена на сайте
«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

В данной работе автор отвергает идею принятия смертной казни. Применение смертной казни приведет к нарушению природы государства, вырождению его духовной сущности. Если государство допускает возможность смертной казни, то ценность человеческой жизни падает, а для самих исполнителей смертной казни убийство станет обычным явлением.

*Господу Богу помолимся,
Будем мы Богу служить,
За Кудеяра разбойника,
Будем мы Бога молить...*

Из народной песни

В современном мире среди наиболее сложных гуманитарных проблем стоит вопрос смертной казни. Трудности с принятием или отвержением казни испытывает не только общество в России, но и всё человечество. Даже такие государства, которые официально постулируют принципы гуманизма и демократии, например США, по-прежнему практикуют смертную казнь. Что же касается русских людей, то они оказались перед сложным испытанием, характеризующим глубину антропологического кризиса русской культуры. В тех условиях, когда убийства в стране весьма частое явление (кроме того, со стороны СМИ идёт неофициальная реклама сцен насилия, т.е. убийства) весьма трудно сохранить высокие представления о самоценности жизни человека. В.С. Соловьёв прав в таком суждении: «Этот печальный мир приличнее называть царством смерти, нежели Царством Божиим». (Соловьёв В.С. Три разговора). Существует мнение, что страх перед смертной казнью остановит преступников. Должен заметить, что действительность свидетельствует об обратном. Преступника, решившего осуществить злодеяние, закон, даже самый суровый, не остановит, ибо индивид, совершая

преступления, о законе вообще не думает. Злодеяние совершается не в силу развитости или неразвитости права, силы или бессилия закона – зло движется лишь одним – бездуховностью. В конце концов, правитель Валахии Влад, прозванный Тепесом (колосажателем), в своих землях навёл почти идеальный правопорядок. Человек мог бросить золотую монету на улице, а на следующий день её подобрать. Никто не смел покуситься на чужую собственность. Разве не идеал правопорядка?! Конечно, никто за монету не желал быть посаженным на кол. Так что неудивительно, что Влад Тепес впоследствии был прозван Дракулой. Интересно, кто бы мечтал о таком честном обществе Влада Тепеса?! Другой пример нам подал Адольф Гитлер, по приказу которого тех граждан, которые не оплатили проезд в общественном транспорте, ждала расстрельная команда. Боюсь, что в нашей стране многих безбилетников, так называемых «зайцев», ждал бы такой печальный конец. Стоит ли билет жизни человека, причём, возможно, бедного? Наконец, в древней Греции законы царя Драконта, известные как драконтовские, одинаково карали и убийцу, и мелко жулика, но на практике такие жёсткие

законы оказались не в состоянии остановить преступность. В общем, страх – это не панацея от всех бед.

Чтобы понять, насколько идея принятия смертной казни чужда русской культуре, важно обратиться к последней, а также к такой элитарной сфере культуры, как философия. Именно в ней происходит глубокое осмысление и выкристаллизация тех ценностей, установок, идеалов, которые свойственны данной культуре и которые соответствуют априорному содержанию природы человека.

В первую очередь, заметим, что ряд исследователей, например В.В. Зеньковский, в качестве одной из черт русской философской мысли называют её антропологический характер: в учениях многих русских философов проблема человека, смысла его жизни занимают ключевое место. Многие исследователи обращают внимание на гуманистическое начало в идеях такого мыслителя, как В.С. Соловьёв. О нём Н. Зернов пишет так: «Соловьёв не принадлежал к кругу революционеров; любая форма агрессии была чужда его натуре, и в своих лекциях он резко осуждал людей, надеявшихся принести русскому народу счастье путём насилия и обмана» (Зернов Н. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв М., 1995, с. 141). Взгляды Соловьёва относительно права достаточно часто вызвали полемику в среде его современников. Так, выступления В.С. Соловьёва с острой критикой уголовного права вызвали возражения у Б.Н. Чичерина. Другой философ, И.А. Ильин, с рядом оговорок допускал использование смертной казни. Всё же и Ильин в своих оправданиях казни исходил из гуманистических, охранительных принципов. В целом же мысль о допущении смертной казни у многих русских мыслителей вызвала протест. «Есть зло общественное – оно в том, что людская толпа, индивидуально поработанная злу, противится спасительным усилиям немногих лучших людей и одолевает их; есть, наконец, зло физическое в человеке – в том, что низшие материальные элементы его тела сопротивляются живой и светлой силе... Это есть крайнее зло, называемое смертью», -

замечает в «Трёх разговорах...» В.С. Соловьёв.

Отметим, что среди положений В.С. Соловьёва, занимавших принципиально важное место в его критике уголовного права, было непринятие наказания преступников, поскольку любая кара, по его мнению, противоречит нравственности. Мыслитель пишет: «Сущность права состоит из двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага... последний интерес может только ограничивать первый, но ни в каком случае не упразднить его... Поэтому меры против преступника никак не могут доходить до лишения его жизни или до отнятия у него свободы навсегда» (Соловьёв В.С. Нравственность и право // Избранные произведения. Р.на/Д, 1998, с. 528). В.С. Соловьёв замечает, что грешников следует исправлять, а не судить. Философ в данном вопросе стремится распространить идею бесконечного добра на все сферы общественной жизни, в том числе и на правовую. Философ замечает, что из безусловного и всеобъемлющего свойства добра можно вывести только то суждение, что ему, добру, не полагается никаких границ в его осуществлении. Тем не менее в других своих положениях Соловьёв допускает наказание, но в нём он видит проявление деятельного человеколюбия, законное, принудительное применение злой воли как на благо общества, так и на благо человека, совершившего правонарушение. Однако допущение убийства возможно лишь тогда, когда нет возможности обратиться к силе закона в конкретный момент времени, а под угрозой оказывается жизнь или честь человека. Как мы видим, центральной фигурой в учении Соловьёва был человек, жизнь которого рассматривалась через призму возможности его духовного совершенствования и характеризовалась как абсолютная самоценность. Можно предположить, что такое представление в значительной степени основывалось на постижении мыслителем исторического опыта русского народа, придававшего первостепенное значение высоконравственной жизни в продвижении к спасению человеческой души.

Акцентируем внимание на рассмотрении исторических предпосылок, которые, на наш взгляд, способствовали повышению ценностного статуса личности в обществе.

В дохристианской Руси осознание сущности человека происходило в основном через призму родовых отношений, в системе которых его значимость мыслилась только посредством принадлежности индивида к роду. Доминирующие установки, принципы и традиции в общине были направлены на коллективную, а не личностную идентификацию в социокультурном пространстве. Самого же понимания человека как самостоятельной персоны в роду не могло быть в принципе, ибо коллективная установка препятствовала объективации всякой индивидуальности. Существенные изменения в понимании человека как ценности внесло христианство, которое было призвано обеспечить новое единение людей, причём не на родоплеменном, а на государственном уровне. Отличительной чертой такого сплочения стало отношение к человеку как к творению Божьему, как к "храму Божьему" (Евангелие, 1-е послание Коринфянам, 3:17).

Свидетельством о восприятии человека в христианской Руси как существенной ценности может стать весьма редкое использование смертной казни, которая стала распространяться среди руссов только с приходом монголо-татар (1237-1480) и впервые получила правовую санкцию в судебнике 1497 года. Для нас же важно то, что на Руси в конце X века произошла трансформация понимания преступления, как явления общественной и индивидуальной жизни. Если в языческой среде убийство или воровство рассматривались в качестве злодеяния против другого человека как отдельного субъекта, то христианство заставило взглянуть на преступление как на акт, направленный против души самого злоумышленника. Со времени принятия христианства человек за преступные действия стал «наказываться правосудием во имя Божие» (Георгиева Т. С. Христианство и русская культура, М., 2001, с. 47). Если обратиться к "Поучению..." Владимира Мономаха, то заметим такую установку: "Ни правого, ни виновного не убивайте и

не повелевайте убить его..." (История России с древнейших времён до конца XVII века под ред. А.Н. Сахарова, М., 1996, с. 184). В данном случае мы видим принципиально иной подход к жизни любого индивида. Согласно христианству, каждая жизнь дорога, поскольку в ней человек обретает духовное спасение, и всякий миг бытия обладает существенной ценностью, ибо во всякое мгновение, даже если это и произошло перед самой кончиной человека, тот может чистосердечно раскаяться и обратиться к Богу. Таким образом, первым аргументом против смертной казни может быть то, что государство, санкционируя казнь преступника, лишает его возможности на духовное исцеление.

Не менее важным аспектом применения смертной казни – как узаконенного убийства – является то, что для её осуществления нужен исполнитель, т.е. палач. В данном случае уместно обратиться к таким словам героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Р. Раскольникова: «Я тебе когда-нибудь расскажу, как я шёл... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!... А старушонку эту чёрт убил, а не я...» (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 Т., т. 5. – М.: «Правда», 1982, с. 407). В принципе у Раскольникова была выдуманная им теория, которая, казалось бы, должна была дать ему право на убийство, на преодоление «порога дозволенного». Но всё же любая теория, даже самая рационально обоснованная, перед природой человека оказывается бессильной. Действительно, если мы обратимся к истории, то увидим, что, например, древнеримские гладиаторы, получившие от императора деревянный меч – символ свободы, – оставались, как правило, на арене и по-прежнему дрались на потеху публике. Другой пример, уже из недавней истории СССР позывает то, что после роспуска сталинских лагерей многие члены расстрельных команд оказались в составе криминальных групп. Всё это подтверждает справедливость таких библейских строк: «Всякий, делающий грех, есть раб греха» (Евангелие от Иоанна 8 : 34). Конечно, в странах, где применяется

смертная казнь, есть средства, при помощи которых приговорённого изолируют от исполнителя настолько, насколько это возможно: например, исполнитель приговора может не видеть смерти осуждённого в газовой камере или на электрическом стуле. Однако, эти меры проблему решают лишь отчасти. В целом же узаконивание смертной казни способно привести к тому, что государство, карая смертью одних преступников, из других людей (исполнителей смертного приговора) делает потенциально новых преступников или людей с нарушенным духовным здоровьем. Об этом хорошо написал Л.Н. Толстой в рассказе «Божеское и человеческое», в котором один из героев, палач, бывший каторжник, выполнив свою работу, не смог забыть казнённого и его последних слов: «И не жалко тебе меня?» Поэтому палач отказался от работы, а в конечном итоге попал в карцер, а затем, с нарушением психики, в больницу (Толстой Л.Н. Божеское и человеческое // Собр. соч. в 14 т., М.: Изд-во художественной литературы, 1953, Т. 124, с. 223-224). Это и есть второй аргумент против смертной казни.

Обоснованность неприятия применения смертной казни будет неполной, если не рассмотреть, насколько смертная казнь может размыть сами основы государственности как формы общественного бытия.

В качестве исходной парадигмы для выкристаллизации третьего аргумента против смертной казни обратимся к дефинициям естественного и позитивного (положительного) права. В цивилизованных государствах всякая легитимная власть опирается на *позитивное право*, которое фиксируется в правовых документах и гарантируется государством. В то же время в философии права наряду с позитивным правом выделяется *естественное право*. Оно основывается на *априорных* формах мирозерцания, т.е. на чувстве нравственного, справедливого, способного фиксироваться в традициях, в религиозных нормах. Степень же развитости позитивного права определяется мерой его соответствия естественному праву. В философско-правовых взглядах И.А. Ильина естественное право непосредственно свя-

зано с правосознанием, без которого всякий закон, выражающий, озвучивающий право, превращается в костный, омертвевший рудимент, в фикцию. Определяя истоки правосознания, мыслитель пишет: «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди. Человек имеет правосознание, независимо от того, знает он об этом или не знает, дорожит этим достоинством или относится к нему с пренебрежением» (Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т., Т. 4, М.: Русская книга, 1994, <http://www.philosophy.ru/library/il/02/01.html> с. 155). Из этого становится очевидным, что всякий человек имеет чувство справедливого и должного по праву. Такое чувство закрепляется в традициях, в первую очередь религиозных. В этических же сводах крупных мировых религий обязательно прописывается греховность действия, направленного на лишение жизни кого-либо. Между тем именно на религиозных нормах основывались принципы государственности и, в частности, правового законодательства. В любом государственном законодательстве убийство рассматривается как одно из наиболее тяжких преступлений. Всё же государство подчас идёт на нарушение этого закона-заповеди, вследствие чего оно оказывается не в состоянии организовать согласно принципам высшего блага. Нельзя недооценивать опасность такого явления, разрушающего те архетипы религиозного сознания, на основе которых зиждется само государство как форма общественного бытия.

Следует вспомнить, что само государство и город, как явление государственности, в древности рассматривались в качестве охраняемого богами места, в котором люди способны жить как боги. Так вот, неужели в государстве, тем более в том, где распространено христианство, возможно допущение убийства, пусть и санкционированного юридическим законом?! Нельзя забывать, что зачастую именно в законодательстве задаётся господствующий характер модели поведения людей в обществе. Поэтому-то право не должно предполагать какого-либо дейст-

вия, прямо направленного на лишение кого-либо жизни.

Думается, что допущение смертной казни есть попытка человека стать выше бога. Между тем история показывает, что человек, возмнивший себя сверхсуществом, обычно уподобляется демону. Наглядным примером тому может служить А. Гитлер. В современном же мире отдельно взятый человек, наделённый властью, в состоянии направлять действия народа только в соответствии с господствующими тенденциями в самом обществе. Поэтому функции свехсущества берёт на себя нация и, следовательно, государство. Ныне таким государством, решившим, что имеет право вершить судьбы других народов, является США. Неудивительно, что в обществе, где государство может распоряжаться чужими жизнями, последние, по сути, обесценены, т.е. в своей значимости они подчинены интересам государства. Между тем, как заметил Н.А. Бердяев, по своей природе нация «всегда стремится к нетленности, к победе над смертью» (Бердяев Н. Философия свободы. М.: АСТ, 2002, с. 552). Действительно, при таком подходе к пониманию цели нации смертная казнь противоречит предназначению всякого народа – утверждению идеалов духовного совершенства. Государственная власть должна быть направлена на защиту жизни, а не на убийство. Чтобы понять значимость последнего предложения, необходимо понять назначение власти. Здесь целесообразно обратиться к антропологическим воззрениям И. Канта, который выделяет такие составляющие, или *задатки*, человеческого существа: 1) задатки животности; 2) задатки человечности; 3) задатки личности. Первая составляющая представляется стремлением к самосохранению, продлению рода, а также к общению. Вторая компонента сводится к формам, или моделям социального поведения. Задатки человека как личности заключаются в его способности «воспринимать уважение к моральному закону как сам по себе достаточный мотив произвола» (Кант И. О сосуществовании злого принципа с добрым, или об изначальном злом в человеческой природе // Кант И.

Собр. соч. в 6 томах Т. 4, Ч. 2. – М., 1965, с. 27-29).

Первые две составляющие этически нейтральны, но по воле человека могут принимать аморальные формы. Задатки же человека как личности, заложенные априорно, всегда связываются с чувством морального. Это чувство может остаться в неразвитом, зачаточном состоянии, но вместе с тем оно способно раскрыться, охватить все грани человеческой жизни. В то же время Кант считал, что в человеке есть предрасположение к совершению злого. Под словом *предрасположение* он понимал склонности, основание для возможных привычек. Оно отличается от задатков тем, что оно не врождённое, а приобретённое. Предрасположение к злему Кант связывал с возможностью отвержения чувства морального закона. «Способность или неспособность произвола принимать моральный закон в свою максимум или не принимать его называется добрым или злым сердцем» (Там же, с. 31). Философ предлагал три вероятных причины непринятия морального закона. Во-первых, слабость человеческого сердца в соблюдении принятых максимум морали. Во-вторых, смешение добрых и злых поступков, т.е. отсутствие чистоты морали. Например, когда индивид добивается достижения моральных целей посредством злых действий; когда индивид убивает, руководствуясь нормами морали, при этом «переступая порог дозволенного». Тем самым человек нарушает собственную природу. В-третьих, злонравность, или принятие злых максимум.

В данной работе следует обратить внимание на вторую причину, ибо именно в принятии смертной казни проявляется смешение доброго и злого, когда общество желает достичь благих целей посредством греховных деяний. Такой циничный макиавеллизм не способен способствовать духовному развитию людей – разве что может дать им неофициальную санкцию на убийство, указав на то, что в обществе есть такие организации, которые имеют право лишить кого-либо жизни. Иными словами, принятие смертной казни противоречит самой природе государства, а поэтому опасна и для него, и для человеческого общества.

Теперь уместно акцентировать внимание на том, что в условиях демократии для чиновника, который решает вопрос о легализации смертной казни, важно обращаться к общественному мнению. Что же, действительно, демократия самая справедливая форма политического устройства страны, в том смысле слова, что в демократическом государстве народ имеет то, что заслуживает, к чему стремится. В демократии нет механизма, который мог бы противостоять воле народа, а если эта воля направлена ко злу, то таковое принимается обществом и превращается в господствующую тенденцию. По точному выражению Н.А. Бердяева, демократия превращается в «греховную похоть жизни... понимает власть как право, а не как обязанность» (Бердяев Н. *Философия свободы*. М.: АСТ, 2002, с. 627). Признание права народа легализовать смертную казнь – это попытка узаконить убийство вообще, стремление представить убийство в качестве обычного рядового явления. Только такое общество может признавать право на казнь, где убийство является распространённым и привычным, где нет острого переживания трагедии смерти человека. Политик, утверждающий, что руководствуется волей народа, не всегда любит народ; но подчас просто озвучивает и легализует то, ради чего его полюбит народ. «О, мы разрешим им и грех... и они будут любить нас, как дети, за то, что мы им позволили грешить... Тихо умрут они, тихо угаснут во имя твоё и за гробом обрящут лишь смерть», - справедливо пишет Ф.М. Достоевский (*Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т., Т., 11, М, 1982, с. 305-306*).

Иначе говоря, сила государства должна заключаться не в человекоугодничестве и не в потворстве агрессивности, а в том, чтобы задавать разумное направление для духовного совершенствования людей и утверждать абсолютную самоценность жизни и чести человека. Конечно, право на

зло будет приветствоваться теми людьми, которые привыкли ко злу, но, если говорить о должном, то оно не должно быть прерогативой ни одного человека, ни одного государства. Причём должное нельзя воспринимать как некое утопичное обобщение, его надобно понимать как движущий, организующий принцип нации и государства. Как только человек говорит, что должное есть теоретически, но практически неосуществимое, он расписывается в собственной слабости, неспособности и нежелании духовно расти, а главное – в собственной недочеловечности, тем самым давая себе право на безответственность и преступные деяния. Между тем именно в восприятии должного как деятельной установки проявляется сила государства и нации, её духовность и благородство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бердяев Н. *Философия свободы*. – М.: АСТ, 2002. – 274 с.
2. Георгиева Т.С. *Христианство и русская культура*. – М.: Владос, 2001. – 240 с.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т., Т., 11. – М, 1982. – 623 с.
4. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 12 т., т. 5. – М.: «Правда», 1982. – 543 с.
5. Зернов Н.М. Три русских пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьёв. – М., 1995. – 212 с.
6. Кант И. О сосуществовании злого принципа с добрым, или об изначальном злом в человеческой природе // Кант И. Собр. соч. в 6 томах Т. 4, Ч. 2. – М., 1965. – 5-58 с.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. – М.: Русская книга, 1993. Т. 4. – 149-414 с.
8. Соловьёв В. С Нравственность и право / Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998. – С. 504-535.

DEATH PENALTY IN THE MIRROR OF RUSSIAN CULTURE AND PHYLOSOFY

Panishchev A.L.

Russian State Social University (Kursk Institute of Social Education), Kursk

In this article the author rejects the idea of the death penalty. The usage of the death penalty leads to the breach of a nature country and degeneration sole content of a country. In a society, in which there will be people, who agree to be executors of death penalty, the value of a human life declines. Beside, executors of the death penalty are accustomed to death, what leads to brace of their sole.